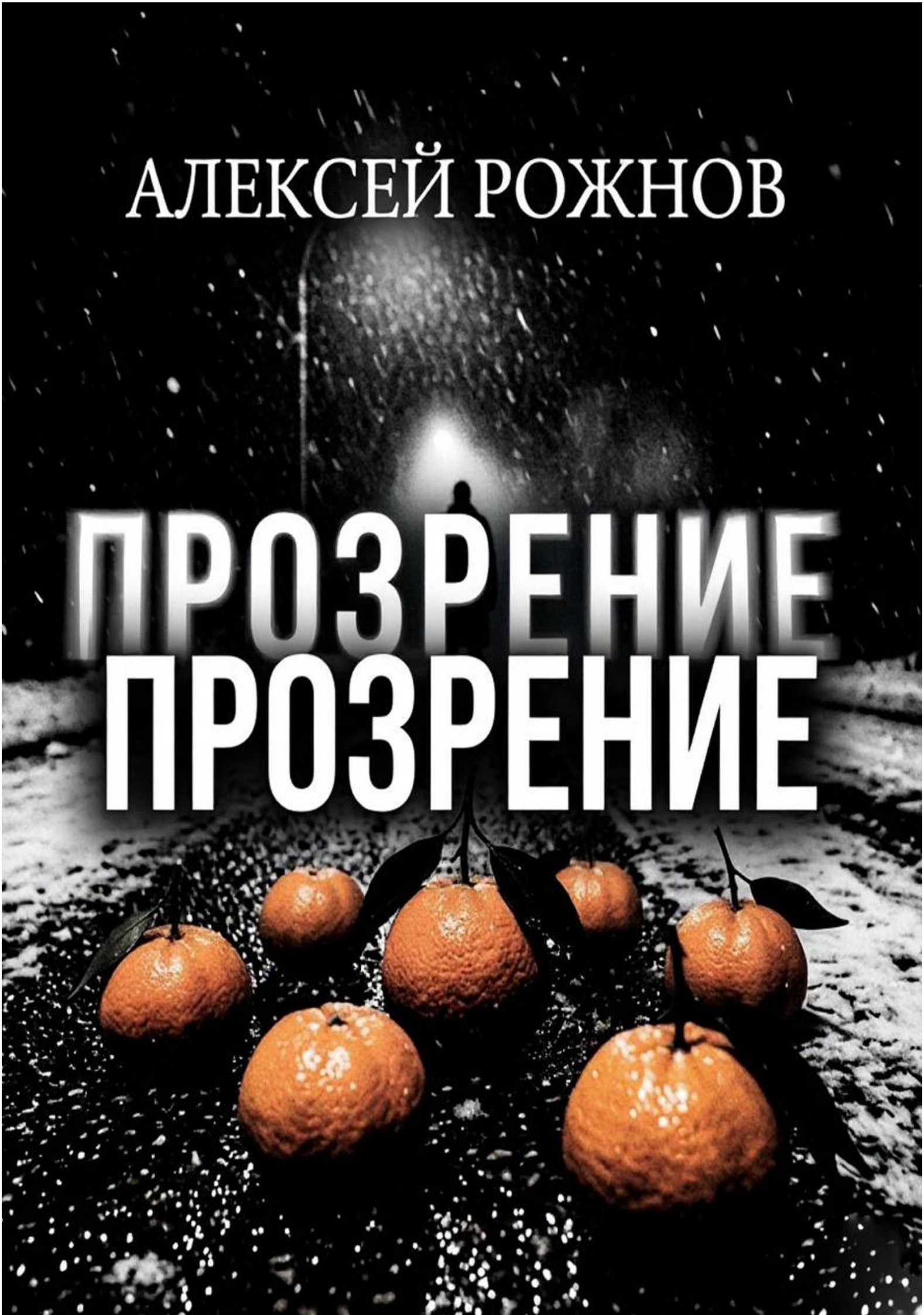
АЛЕКСЕЙ РОЖНОВ

ПРОЗРЕНИЕ

ПРОЗРЕНИЕ



Алексей Рожнов

Прозрение

«Автор»
2026

Рожнов А.

Прозрение / А. Рожнов — «Автор», 2026

«Прозрение» — жёсткая современная притча о цене человеческого выбора. Когда честность превращается в способ медленно уничтожить себя и близких, герой решается переступить черту. Вчерашний тихий мастер учится видеть людей насквозь, давить на болевые точки и побеждать там, где раньше отступал. Рядом появляется таинственный Переговорщик, уверяющий, что в мире прав только сильный.Вот только каждая победа отдаляет Влада от тех, ради кого он всё это затеял — и приближает к финалу, где за всё придётся заплатить не деньгами.

© Рожнов А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1 5
2 9
3 13
4 17
5 21
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Алексей Рожнов
Прозрение

1

Автобус пришёл в семь минут девятого, и Влад успел продрогнуть так, что пальцы в карманах не разгибались. В салоне пахло мокрой курткой и дизелем. Он сел у окна и до конечной держал на коленях пакет с хлебом, ещё тёплый снизу. Дворники скребли по сухому, оставляя на стекле мутные полукружья, и в них плыли чужие огни: витрина, светофор, аварийка на обочине. На повороте пакет поехал по коленям, и Влад поправил его, не глядя.

В подъезде пахло сыростью и мокрой известью. Лампочка на втором этаже не горела с прошлой недели: заявку приняли, номер записали и повесили трубку. Он поднялся, нашарил ключом скважину с третьего раза, толкнул дверь плечом. В квартире было холодно, холоднее, чем на улице. Он снял куртку, повесил на спинку стула, включил свет на кухне, поставил чайник и достал из внутреннего кармана конверт.

В конверте лежали квитанции за октябрь, три штуки, и ещё один лист, которого он не ждал. Влад прочитал его дважды. Потом снял чайник с плиты и сел.

Лист оказался уведомлением. Сверху стоял заводской логотип, синий ромб с молотком, нарисованный, судя по всему, лет двадцать назад и с тех пор только размноженный на ксероксе в трёх поколениях. Ниже ровным канцелярским шрифтом сообщалось: по итогам инвентаризации на складе готовой продукции выявлена недостача в размере восьмидесяти четырёх тысяч трёхсот рублей, и, поскольку за участок отвечает мастер, сумму предлагается удержать из заработной платы в течение трёх месяцев.

Предлагается. Влад перечитал это слово отдельно. Хорошее слово, мягкое, как подушка, которой тебя душат.

Он посчитал в уме, медленно, как когда-то у доски. Выходило, что до февраля он будет работать за проезд и за обед в цеховой столовой, а квитанции подождут. Квитанции ждать не умеют, но выбора у них нет.

Инвентаризацию считали в пятницу. В пятницу он сдавал отчёт по цеху и на склад не заходил; ведомость подписывал кладовщик, и подпись под ней стояла ровная, чужая. В уведомлении об этом не было ни строчки.

Влад взял телефон, нашарил в контактах начальника участка и нажал вызов. Тот ответил после четвёртого гудка, и по голосу было слышно, что он сидит перед телевизором и говорить ему не хочется.

— Это Влад. Извините за позднее. Я по уведомлению, по складу.

— А. — В трубке звякнула ложка о стакан. — Есть такая бумага.

— Я не подписывал ведомость. Меня на инвентаризацию не звали.

— Так ты мастер, — сказал начальник, и было слышно, что он повторяет это в сотый раз. — За участок кто отвечает? Я, что ли?

— Недостача не моя.

— Может, и не твоя. Кто ж спорит. Подпиши уведомление, и разберёмся в рабочем порядке.

Влад помолчал. В трубке шуршал телевизор, кто-то смеялся, кто-то аплодировал.

— Я не подпишу.

— Ну, тогда завтра зайди. Поговорим.

Короткие гудки. Влад положил телефон на стол, рядом с квитанциями, и взял уведомление в третий раз, будто от этого сумма могла измениться. Сумма не изменилась.

Утром он вышел на десять минут раньше обычного, потому что решил идти пешком до следующей остановки, где автобусы шли чаще. Снег за ночь превратился в кашу, во дворе горел один фонарь из трёх, и под ним крутилась мокрая морось, похожая на рой мелкой мошки.

У бордюра, где дворник сгрёб грязную кучу, что-то чернело. Влад сначала подумал, что это пакет или обломок бампера, и подошёл ближе только потому, что торопиться было некуда. В куче лежал кошелёк. Тёмно-коричневый, разбухший, с расстёгнутым отделением, из которого выглядывал уголок купюры.

Он поднял его, стряхнул снег и оглянулся. Двор был пуст. В окнах первого этажа горел свет, но за стеклом никого не было видно.

В кошельке лежали деньги. Несколько пятитысячных, тысячные, помятая мелочь, и всё это вместе пахло табаком и чужой жизнью. Влад не считал сначала, потом всё-таки посчитал, стоя под фонарём, и получилось тридцать восемь тысяч двести. Ещё там были карточки, аптечный чек на какие-то сердечные капли и визитка: ремонт офисов, фамилия, два телефона.

Тридцать восемь тысяч. Почти половина того, что с него собирались удержать. Он стоял и держал кошелёк в руке, и в голове у него было тихо и ясно, как бывает только ранним утром: никто не видел. Никто не узнает.

Он достал телефон и набрал номер с визитки. Гудки шли долго, на пятом или шестом кто-то снял трубку и хрипло сказал:

— Да.

— Здравствуйте. Я ваш кошелёк нашёл. Утром, во дворе на Гагарина.

На другом конце помолчали. Потом тот же голос, уже совсем проснувшийся, спросил:

— А деньги там?

— Там.

— Сколько?

Влад сказал. В трубке зашуршало, как будто человек сел на кровати и почесал затылок.

— Ну, хорошо. Я сейчас к метро подъеду, минут через двадцать. Сможете?

— Я на работу еду, — сказал Влад. — Давайте в обед. У проходной.

— В обед так в обед. — И, уже прежде чем повесить трубку: — Смотрите, не тратьте пока.

Влад посмотрел на телефон, потом на кошелёк в своей руке. Автобус подошёл к остановке, двери открылись, и водитель ждал.

В обед он вышел к проходной и встал под козырьком, подальше от ветра. Кошелёк лежал во внутреннем кармане, рядом с уведомлением, и всю первую половину дня Влад ловил себя на том, что проверяет карман через куртку. Тридцать восемь тысяч двести. Рабочие в цехе шутили про инвентаризацию: кто-то предлагал скинуться, кто-то советовал плюнуть и подписать, чтобы не трепали нервы. Влад слушал и ничего не отвечал.

Машина подъехала в двенадцать минут первого. Тёмная, чистая, с каплями на капоте. Из неё вышел мужчина лет пятидесяти, в пуховике без шапки, и сразу посмотрел на Влада, как смотрят на человека, которого видно издалека по рабочей куртке.

— Кошелёк у вас?

Влад достал. Мужчина взял его, расстегнул, вытащил деньги и начал считать прямо там, у машины, быстро и привычно, шевеля губами. Ветер трепал купюры, он прижимал их большим пальцем.

— Тридцать восемь двести, — сказал он наконец. — Всё на месте.

Он убрал деньги в кошелёк и посмотрел на Влада уже иначе, с интересом, как на диковину в зоопарке.

— Слушай, а ты вообще кто?

— Мастер на заводе. Участок.

— Мастер. — Мужчина усмехнулся и покачал головой. — Мог ведь себе оставить. Никто бы не узнал. Не приходило в голову?

— Приходило, — сказал Влад.

— И что?

— Нельзя.

Мужчина посмотрел на него, потом засмеялся, коротко и без злобы, как смеются над хорошей шуткой в курилке.

— Нельзя. Ну ты даёшь. — Он полез в карман, достал пятисотку и протянул. — На, возьми. Купи себе что-нибудь.

— Не надо.

— Как хочешь. — Мужчина пожал плечами и спрятал купюру обратно. — Смотри, не жалей потом. Такие, как ты, всю жизнь ездят на автобусе.

Он сел в машину и уехал, аккуратно объехав лужу у проходной. Влад постоял ещё немного под козырьком, потом вернулся в цех, и охранник окликнул его из будки:

— Влад! Тебя начальник участка искал. Сказал, как вернёшься — сразу к нему. И из отдела кадров звонили, два раза.

Начальник участка сидел за столом, накрытым куском оргстекла, под которым лежали графики, старый календарь и фотография двух мальчиков с удочками. В кабинете пахло растворимым кофе и разогретой пластмассой. За стеклянной перегородкой ходили люди в спецовках, и никто из них не смотрел в эту сторону.

— Заходи, закрывай, — сказал начальник, не поднимая головы от бумаг. — Я тебе звонил.

— Я в обед выходил. Кошелёк человеку отдавал.

— Отдавал. — Начальник наконец посмотрел на него. — Ну, это хорошо. Это по-человечески. — Он помолчал, повертел в пальцах ручку. — Влад, ну что ты как маленький. Ну есть бумага. Не я её составлял, не мне её отменять. Подпиши, и поедем дальше.

— Я на инвентаризации не был. И ведомость подписывал кладовщик.

— А кто у нас мастер? — спросил начальник почти ласково. — Кто за участок отвечает? Кладовщик, что ли?

— Пусть тогда с кладовщика и удерживают. Это его подпись.

Начальник положил ручку и откинулся в кресле. Кресло скрипнуло.

— С кладовщика. У него оклад двадцать две тысячи, двое детей и мать в деревне. Ты хочешь, чтобы я с него восемьдесят четыре вычел? Он же через месяц в петлю полезет. — Он переждал, давая Владу это представить. — А у тебя руки есть, ты и в другом месте работу найдёшь. И потом — кто недостачу покрывать должен? Тот, с кого есть что взять. Так система и стоит.

Влад смотрел на фотографию мальчиков с удочками. Один из них был в очках, оба улыбались во весь рот.

— Значит, удержат с меня.

— Удержат с тебя. — Начальник придвинул к себе уведомление. — Или не удержат, если ты до конца дня подпишешь и напишешь объяснительную. Объяснительная, понимаешь, всё меняет. В бумагах появляется порядок.

— Что я должен написать?

— Что принял ведомость, не проверив. Что-нибудь про невнимательность. Я тебе даже подскажу формулировку.

— А недостача?

— А недостача, — начальник пожал плечами, — дело житейское. Может, кто-то из ребят со склада через окно таскал. Разберёмся как-нибудь.

Влад молчал. В цехе за перегородкой загудел пресс, и стекло тихо дрогнуло.

— Ну? — сказал начальник. — Ты подумай. До пяти часов время есть.

— Не подпишу.

Начальник кивнул, как будто ждал именно этого, и выдвинул ящик стола.

— Ладно. Тогда я оформляю отказ от исполнения распоряжения. Это уже, сам понимаешь, другая статья. И премии за октябрь у тебя не будет. И объясни-ка мне своими словами, почему восьмого числа в первой половине дня участок простоял сорок минут.

— Баллоны не привезли. Я звонил на снабжение.

— Не привезли баллоны. А виноват участок. Тоже система такая. — Начальник снял трубку внутреннего телефона. — Пиши заявление на имя директора. И штраф я тебе выпишу, не обессудь. Пять тысяч. Иначе, Влад, ты у меня никогда не подпишешь ничего в этой жизни.

Он набрал номер и отвернулся к окну, говоря в трубку о чём-то другом, и Влад понял, что разговор окончен. Он вышел, закрыл за собой дверь и пошёл через цех, между верстаками, мимо сварки, от которой ломило глаза. Никто ему ничего не сказал. Кто-то отвёл взгляд. Кто-то смотрел в спину.

Вечером он разложил бумаги на кухонном столе в ряд, как раскладывают пасьянс. Слева квитанции: свет, вода, домофон, шесть тысяч четыреста двенадцать рублей, срок до двадцатого. В середине уведомление с синим ромбом. Справа лист, который он сам себе выписал на работе, аккуратным почерком: премия — минус, штраф — пять тысяч, объяснительная — директору до пятницы.

Он взял ручку и посчитал. Получилось, что после всех вычетов до следующей получки ему останется около двух тысяч. Хватит на проезд, на хлеб и, если не форсить, на молоко. Он пересчитал ещё раз, надеясь на ошибку, но ошибки не было. Арифметика всегда была его сильной стороной, ещё со школы.

Влад отрезал два куска хлеба, поставил чайник и сел есть, глядя на холодильник. Холодильник был белый, старый, с ручкой, обмотанной синей изолентой. Внутри у него горел свет, потому что выключатель сломался года три назад, и в этом свете хорошо было видно пустую полку, банку с засохшим соусом и половинку луковицы.

Он подумал про кладовщика, у которого двое детей и мать в деревне. Подумал про мальчиков с удочками на фотографии, про банку с засохшим соусом и про то, что полку в холодильнике давно пора вымыть. Подумал про человека в пуховике, который пересчитывал деньги у машины и сказал: такие, как ты, всю жизнь ездят на автобусе. Странно было не то, что тот так сказал. Странно было то, что он, Влад, в общем-то, тоже так думал, только никогда не произносил вслух. За стеной у соседей бормотал телевизор, кто-то там смеялся, и в промежутках между смехом что-то настойчиво рекламировали.

Он доел хлеб, допил чай и сполоснул чашку. Бумаги лежали на столе в том же порядке: квитанции, уведомление, лист с подсчётами. Под последней цифрой оставалось немного места, и Влад написал там: «Директор. Пятница, восемь утра». Посмотрел, подчеркнул дважды, чтобы не забыть, и отложил ручку. За окном во дворе погас фонарь, на кухне стало темнее, и в жёлтом свете лампочки было видно каждую крошку на клеёнке.

2

Влад пришёл к поликлинике без десяти семь, хотя знал, что смена у неё заканчивается в семь. Он стоял у служебного выхода, под фонарём, и смотрел, как в окнах второго этажа по очереди гаснет свет. Морось к вечеру стала мельче, но ветер сделался злее, и Влад дважды пожалел, что не надел шапку.

Диана вышла в четверть восьмого, в своём строгом пальто, застёгнутом на все пуговицы, с сумкой на плече. Увидела его и остановилась на полшага, как останавливаются, когда не знают, обрадоваться или сделать вид, что не заметили.

— Ты чего здесь?

— Мимо шёл, — сказал Влад.

— Мимо. От завода до Гагарина.

— Сделал крюк.

Она посмотрела на него внимательно, и в глазах у неё было столько усталости, что Влад на секунду забыл, что собирался сказать. Они были знакомы давно, лет восемь, и все эти восемь лет между ними держалось что-то тёплое и неподвижное, как свет в окне, мимо которого каждый вечер ходишь и каждый вечер думаешь: зайти или не зайти.

— Кофе хочешь? — спросил он. — Тут автомат в холле.

— Закрыто уже.

— Там охрана добрая. Пропустит.

Автомат стоял в углу, под лестницей, и гудел, как старый холодильник. Влад бросил две монеты, и аппарат налил два бумажных стаканчика бурой жидкости, которая называлась кофе. Пахла она сладко и немного пластмассой.

Диана обхватила стаканчик обеими руками и поднесла к лицу, будто грела щёки.

— Мать опять не спала ночью, — сказала она. — Совсем плохая стала. Я думала, вызову скорую, а потом думаю: ну, приедут, посмотрят, скажут — возраст. И увезут, а я потом неделю не смогу её навестить.

— Я могу помочь, — сказал Влад. — У меня знакомый в областной, он может посмотреть. И отвезти могу, если надо. У меня сейчас отпуск не светит, но я попрошу день.

Диана покачала головой, и это было не «нет», а «не начинай».

— Я знала, что ты так скажешь.

— И что?

— И ничего. — Она отпила из стаканчика и поморщилась. — Я сама справлюсь. Так спокойнее, Влад. Я не могу потом быть должной.

— Кому?

— Никому. — Она сказала это тихо и твёрдо, как ставят точку в конце протокола. — У меня так уже было. Я потом не сплю и думаю, чем отдавать.

Влад смотрел, как за окном мимо поликлиники идут люди: женщина тащила сумку на колёсиках, мужчина вёл ребёнка за руку, кто-то курил у ворот. Все были заняты собой, и никто не знал, что здесь, под лестницей, у автомата с холодным кофе, решается что-то очень важное.

— А если не про долг? — сказал он. — Если просто рядом?

Диана улыбнулась, и от этой улыбки ему стало хуже, чем от её молчания.

— Ты хороший, Влад. Правда хороший, — сказала она. — Но я давно живу не для себя. И тебе со мной будет тяжело.

Она отдала ему свой недопитый стаканчик, поправила сумку на плече и пошла к воротам, к остановке, где её ждал автобус. Уже у выхода она обернулась и сказала, негромко, как говорят себе под нос:

— Не мёрзни тут.

Влад остался стоять с двумя стаканчиками, один из которых был пустой, а второй почти целый, и с этим нечего было делать.

Он догнал её у остановки, выбросил стаканчики в урну и сел в тот же автобус, хотя ему было в другую сторону. Диана не сказала ни слова, только подвинулась на сиденье, освобождая место у окна.

Автобус был полупустой, пахло мокрым линолеумом и чьей-то собакой. За стеклом тянулись одинаковые пятиэтажки, потом гаражный кооператив, потом пустырь с бетонным забором. Диана смотрела в окно и молчала так, будто собиралась с силами.

— Ты знаешь, почему я одна? — спросила она наконец.

— Знаю, что муж ушёл. Больше ничего.

— Он ушёл в тот месяц, когда мать слегла. Просто собрал вещи, пока я была в больнице. Сказал: я на такое не подписывался. — Она усмехнулась, невесело. — А через полгода пришло письмо из банка. Кредит на ремонт, который мы брали вместе. Он его на себя не переоформил, а платить перестал. И знаешь, что самое смешное? Я его выплатила. Взяла вторую смену и выплатила, до копейки.

— Сколько ты платила?

— Три года. — Она повернулась к нему. — И вот с тех пор я не люблю, когда за меня платят. Даже когда просто помогают. Мне всё кажется, что потом пришлют счёт.

Влад смотрел на её руки: сухие, с коротко остриженными ногтями, с двумя трещинами на подушечках, как у человека, который много моет посуду и мало спит.

— Я не он, — сказал он.

— Я знаю. — Диана вздохнула. — Дело не в тебе, Влад. Дело во мне. Я так живу давно и уже не умею иначе. Терпеть и нести — это не самое плохое, если честно. Привыкаешь.

— И сколько ты собираешься привыкать?

Она не ответила. Автобус свернул на её улицу, за окном проплыл магазин с заколоченной витриной, потом детская площадка с одной качелью, потом они вышли.

До подъезда шли молча. У двери Диана достала ключи и наконец посмотрела на него прямо.

— Спасибо, что проводил. — Она помолчала. — И не приходи больше к поликлинике, ладно? Там работают люди, которые всё видят и всё обсуждают. Мне потом месяц объясняться.

Он кивнул. Дверь закрылась, за ней щёлкнул замок, и в подъезде загорелся свет на втором этаже.

Дома он снял куртку, включил чайник и достал телефон. Заводской приятель, Павел, уже пять лет работал в областной, в неврологии, и когда-то они вместе ездили на рыбалку, пока у Павла не родился третий ребёнок, а у Влада не началась вся эта жизнь.

Павел ответил после седьмого гудка, голосом человека, которого подняли с дивана.

— Влад? Ты чего в такое время?

— Извини. У меня к тебе дело, не по работе. — Влад сел на табуретку у окна. — Тут женщина одна. У неё мать лежачая, почти не встаёт. Поликлиника говорит — возраст, а ей всё хуже. Посмотришь?

В трубке помолчали, потом послышался шорох, как будто Павел сел ровнее.

— Как зовут, сколько лет, что в карте?

— Не знаю я, что в карте. Завтра узнаю. Женщину зовут Диана, она медсестра, работает в поликлинике на Гагарина. Мать её я не видел ни разу.

— Влад, — сказал Павел, — я, вообще-то, не участковый. Но если ты просишь, ладно. Пусть привозят в четверг к одиннадцати, я посмотрю. Только пусть привезут все выписки, что есть, и пусть не тянут.

— Спасибо. Я тебе должен.

— Ты мне рыбу должен, — сказал Павел и повесил трубку.

Влад ещё посидел на табуретке, глядя на телефон. Потом набрал Диану. Она не взяла. Он набрал ещё раз — не взяла. Тогда он написал коротко: «Есть врач в областной, невролог, хороший. В четверг к одиннадцати. Я договорился. Отвезти не смогу, у меня смена, но машину найду».

Ответ пришёл через двадцать минут, когда он уже лёг. Диана писала медленно, по одной фразе, как будто каждое слово требовало отдельного усилия: «Влад, ты зачем это сделал». Потом ещё: «Я не просила». Потом: «Спасибо».

Влад смотрел на эти три сообщения и не знал, на какое отвечать. В конце концов написал: «Попробуй просто показать её врачу. Это не долг. Это четверг, одиннадцать».

Ответа не было долго, так долго, что он успел положить телефон на подоконник и отвернуться к стене. Потом телефон тихо звякнул, и Влад, не поворачиваясь, услышал, как в нём что-то коротко, будто нехотя, напечатали.

Он взял трубку. На экране было одно слово: «Ладно».

В четверг он поменялся сменами с Володей из соседнего участка, отдал ему два своих выходных и в десять был у областной больницы. Дождь кончился, но небо висело низко, серое, как мокрое одеяло, и у ворот стояла лужа, в которой отражался весь корпус вместе с флагом.

Такси подъехало в пять минут двенадцатого. Диана вышла первой, обошла машину и открыла заднюю дверь. Её мать сидела, привалившись к спинке, в платке и старом пальто, и Влад в первую секунду растерялся, потому что не представлял, насколько она маленькая. Сухая, лёгкая, как ребёнок, с лицом, на котором кожа обтянула скулы.

— Здравствуйте, — сказал он. — Давайте я.

Они вдвоём вытащили коляску, потом усадили её мать. Та смотрела прямо перед собой и молчала, только руки держали сумку с выписками, прижатую к груди.

— Она с утра не разговаривает, — тихо сказала Диана. — Волнуется.

Павел ждал их на втором этаже, в кабинете, где на подоконнике стояли три фикуса и лежала стопка старых журналов. Он посмотрел выписки, потом попросил мать лечь на кушетку, потом долго что-то проверял, стучал молоточком по коленям, светил в глаза фонариком.

— Значит, так, — сказал он наконец, снимая перчатки. — Я бы её положил. Не на неделю, на обследование. МРТ, кровь, посмотреть сосуды. Это не возраст, это запущенный случай. — Он посмотрел на Диану. — Вы почему раньше не привезли?

Диана открыла рот и закрыла. Влад увидел, как у неё покраснели шея и уши.

— Я работаю, — сказала она. — Я одна. Мне её не с кем оставить.

— Вот теперь оставите, — сказал Павел. — Здесь есть уход. Оформляйте, я подпишу.

В коридоре было холодно и пахло хлоркой и варёной картошкой. Диана села на кушетку у стены, поставила сумку с выписками рядом и опустила лицо в ладони. Влад сел рядом, не зная, можно ли её трогать.

— Ты не представляешь, — сказала она в ладони. — Всё время надо выбирать. Или смена, или она. Если я беру выходной, мне нечем платить за квартиру. Если я не беру, она целый день одна, и я весь день думаю, что она уже умерла и никто не заметил.

— Теперь полежит под присмотром, — сказал Влад. — Хоть неделю.

Диана отняла руки от лица. Глаза у неё были сухие, и от этого было хуже.

— Сколько я тебе должна? — спросила она.

— Нисколько.

— Влад.

— Нисколько, — повторил он. — Павел мне рыбу должен, а не я ему.

Она посмотрела на него долго, потом встала, поправила воротник и сказала совсем другим голосом, ровным, как в регистратуре:

— Пойдём, я тебе хоть кофе куплю.

Кофейный автомат стоял в холле у выхода, за стеклянной перегородкой, и мимо ходили люди в белых халатах, больные в тапках, женщины с детьми. Диана бросила монеты, автомат зажужжал, и в стаканчики полилась та же бурая жидкость. Влад смотрел на неё через стекло, и ему почему-то казалось, что всё важное в его жизни сейчас происходит за этой перегородкой, а он стоит снаружи и ждёт, пока ему подадут стаканчик.

— Ты не должен был этого делать, — сказала Диана, когда они отошли от автомата и встали у окна.

— Ты просила не приходить к поликлинике. Я не приходил.

Она посмотрела на него поверх стаканчика, и в глазах у неё что-то дрогнуло, как вода в ведре, когда мимо проезжает грузовик.

— Спасибо, — сказала она. — Я это говорить не умею. Но я запомню.

— Не надо ничего запоминать.

— Надо. — Она допила кофе и смяла стаканчик в кулаке. — Я пойду. Мне ещё оформлять. И если что, я тебе напишу.

Она пошла к лестнице, и он смотрел, как она поднимается, как её пальто мелькает между людьми, и всё ждал, что она обернётся. Она не обернулась.

На улице по-прежнему висело серое небо, лужа у ворот никуда не делась, и флаг на корпусе висел мокрой тряпкой. Влад дошёл до остановки, потом решил идти пешком и шёл сорок минут, не чувствуя холода.

Вечером телефон звякнул, когда он мыл чашку. Диана написала: «Маму устроили. Палата на четверых, но чистая. Завтра будут обследования». И через минуту: «Спасибо. Спокойной ночи».

Влад вытер руки о полотенце и долго смотрел на это «спокойной ночи», будто в нём было написано что-то ещё. Потом ответил тем же. Положил телефон на стол, рядом с листом, где внизу было подчёркнуто дважды: «Директор. Пятница, восемь утра».

3

После директора Влад не поехал домой, а поехал к матери. Директор оказался мужчиной с усталым лицом и привычкой смотреть не на собеседника, а чуть выше его головы; он выслушал про инвентаризацию, полистал бумаги, сказал «разберёмся» и подписал штраф, не отрываясь от чая. Всё это заняло восемь минут. Восемь минут — и пять тысяч, и ещё один лист в папке.

Мать жила на другом конце города, в старом доме с высоким крыльцом, где лестница пахла кошками и мокрой штукатуркой. Влад поднялся на третий этаж, постоял, отдышался и позвонил два раза, коротко, как она любила. За дверью долго гремели замком, потом она открыла — в халате, в платке, с очками на шнурке.

— Ты чего не позвонил? — сказала она вместо «здравствуй». — Я бы пирог сделала.

— Я и так приехал.

— Вот и я говорю.

В квартире пахло лекарствами, варёной капустой и тем особым запахом старого жилья, от которого не спасают ни проветривание, ни ремонт. На кухне работал телевизор, показывали новости: где-то обрушился дом, где-то сошёл с рельсов поезд, где-то горел склад. Мать всегда смотрела новости, будто выполняла повинность, и комментировала их одинаково: «Вот так и живём. А ты говоришь».

На столе стояла кастрюля с капустой, тарелка с разваренной картошкой и початая упаковка таблеток, прикрытая салфеткой. Влад сел и взял таблетки в руки, пока мать отвернулась к плите.

— Это что?

— А? — Она оглянулась через плечо. — Сердце. Врач прописал.

— Какой врач? Ты была у врача?

— Ну а что я, не человек, что ли. Была.

— И что сказали?

Мать помолчала, помешала капусту и выключила газ. Потом села напротив него, вытерла руки о полотенце и сказала:

— Сказали, надо ложиться. Там что-то с клапаном. Или с сосудом, я не запомнила. Сказали, можно по квоте, но ждать долго. А можно платно, и тогда сразу.

— Сколько?

— Не твоё это дело, Влад.

— Сколько?

Она посмотрела на него поверх очков, и он увидел, что она постарела за этот год сильнее, чем за прошлые пять.

— Триста восемьдесят, — сказала она. — Может, больше. Мне дали бумажку, там всё написано.

Влад отставил тарелку. Капуста вдруг стала безвкусной, как вата.

— Я найду деньги, — сказал он.

— Где найдёшь? — Мать усмехнулась, и в усмешке было столько привычной горечи, что Влад опустил глаза. — В мешке под кроватью?

— Возьму кредит.

— Не смей.

Она сказала это так резко, что он поднял голову. Мать сидела прямо, руки на столе, и лицо у неё было твёрдое, как у человека, который давно всё решил и не собирается обсуждать.

— Мне семьдесят лет, — сказала она. — Я своё пожила. А ты ещё мужик в силе, тебе жить и жить. Я тебе не для того сына растила, чтобы ты на старости лет в долги залезал, как дурак.

— То есть ждать очереди?

— Ждать.

— До какого года? — Влад вытащил из-под салфетки бумажку — направление, отпечатанное на принтере, с печатью, — и прочитал вслух: — «Ориентировочный срок по квоте — четвёртый квартал две тысячи двадцать восьмого». Мама, это два года.

— Ну и что? Люди ждут, и я подожду. Кому сейчас легко.

— А если не дождёшься?

Мать помолчала, потом встала, подошла к плите, взяла тряпку и стала вытирать стол, хотя стол был чистый.

— Значит, так Бог дал, — сказала она негромко. — На всё его воля. Мы не в театре, Влад, мы люди маленькие. Потерпим.

— При чём тут Бог? — Влад сам услышал, как у него садится голос. — Тебе врач говорит: оперировать надо. Есть хорошая клиника, есть врачи, есть деньги, которые можно найти. При чём тут Бог?

— Не богохульствуй.

— Я не богохульствую. Я тебя спрашиваю.

Мать обернулась. В углу, над старым сервантом, горела лампадка, и её красный огонёк дрожал в стекле икон.

— Ты мне вот что скажи, — проговорила она. — Ты в последний год в церкви был? Свечку за отца ставил? Ты живёшь как? Всё суетишься, всё тебе мало, всё тебе должны. Вот и наказание тебе за суету, вот и мне за тебя. А ты теперь деньги ищешь.

— Я работу ищу, мама. Я пашу, как лошадь.

— Ну и паши. Бог терпел и нам велел. Главное — душу не замарать, а деньги — это тьфу. — Она сплюнула через плечо и снова взялась за тряпку. — Приедет очередь, положат. Не приедет — как-нибудь. Я не в тягость.

Влад сидел и смотрел на её руки, на полотенце, на кастрюлю с остатками капусты, и в нём поднималось что-то тяжёлое и холодное, похожее на то, как зимой не можешь повернуть ключ в замке, потому что замок замёрз, а ты всё крутишь и крутишь, и только кожу сдираешь.

Он вышел в прихожую, сунул ноги в ботинки и сказал, не глядя:

— Я найду деньги. Не для того, чтобы поспорить. Просто найду.

Мать стояла в дверях кухни, вытирая руки.

— Влад. — Голос у неё дрогнул. — Влад, ты только не залезай в чужое. Слышишь? Лучше уж я так.

На улице он достал телефон и нашёл в интернете номер кардиоцентра, который был напечатан на направлении. Трубку взяли быстро, вежливо, и женский голос объяснил ему всё так гладко, будто читал с листа: консультация, обследование, операция, реабилитация. Ориентировочно четыреста двадцать тысяч, возможны доплаты. Предоплата пятьдесят процентов. Очередь на госпитализацию — две-три недели, если внести задаток до конца месяца.

— А если не успею до конца месяца? — спросил Влад.

— Тогда, к сожалению, очередь сдвинется, — сказала женщина. — У нас большой поток.

Он шёл по улице, не разбирая дороги, и считал. Четыреста двадцать. У него на карте оставалось девять тысяч с копейками, и это до получки. В квартире из ценного были холодильник, диван и телевизор, который он купил три года назад в рассрочку и уже выплатил. Машины не было. Дачи не было. Мать получала пенсию четырнадцать тысяч и половину отдавала за квартиру и лекарства.

В автобусе он достал телефон и открыл банковское приложение. Там была кнопка «Взять кредит», он нажал её, ввёл сумму — четыреста тысяч, на пять лет, — и приложение подумало секунды три.

«Предварительно одобрено 90 000 рублей под 29% годовых. Для увеличения суммы обратитесь в отделение».

Девяносто тысяч. Под двадцать девять процентов. Влад смотрел на эту строчку, пока экран не потемнел, и в тёмном стекле отразилось его собственное лицо, которого он почти не узнал.

Дома он позвонил Володе, с которым менялся сменами. Володя был мужик нормальный, с ним можно было пить чай и молчать, и он единственный на участке не постеснялся спросить, как у Влада дела, когда все остальные делали вид, что ничего не случилось.

— Володь, — сказал Влад. — Мне нужно в долг. Много. Матери операция.

На другом конце помолчали. Потом Володя вздохнул так, что стало слышно, как у него скрипит стул.

— Влад, я бы дал. Ты знаешь, что дал бы. — Он помолчал ещё. — У меня у самого кредит за холодильник и за школу старшей. Я тебе могу тысяч двадцать. Больше не могу, честное слово.

— Двадцать — это тоже деньги, — сказал Влад. — Спасибо, Володь.

Он положил трубку и остался сидеть на кухне, в темноте, при свете уличного фонаря. Сложил в уме: двадцать от Володи, девять своих, девяносто даст банк под двадцать девять. Всё равно не хватало половины, и он понимал, что за эту половину придётся платить так, как он ещё не платил.

И тут в нём впервые за долгие годы поднялось не смирение, к которому его приучали с детства, и не горькое терпение, которым он жил все эти годы. Поднялось другое: глухое, холодное, тяжёлое, как мокрая земля на лопате. Он сидел в темноте и смотрел на пустой стол, и в голове у него билась одна и та же мысль, простая и страшная: он честно работал, честно ждал, честно платил по чужим счетам — а матери его положено ждать очереди до двадцать восьмого года.

В субботу он приехал снова, с сумками: хлеб, молоко, куриная грудка, коробка конфет, которую она ругала, а потом ела по одной в день. Мать открыла дверь и сказала:

— Опять тратишься. Я тебе говорила.

— Говорила.

— Ну и вот. — Она пропустила его в квартиру. — А ты всё равно тратишься.

Он чинил смеситель на кухне, стоя на коленях перед раковиной, роняя мелкие болты в мыльницу. Мать стояла рядом с полотенцем через плечо и молчала так, как умеют молчать матери, которые хотят сказать что-то важное и не решаются.

— Ты вчерась ушёл злой, — сказала она наконец.

— Я не злой был.

— Я тебя растила, я разберу, злой или нет.

Влад наклонился за болтом, который упал под мойку, и не ответил.

— Я вот что думаю, — сказала мать, глядя, как он подтягивает гайку. — Ты не должен из-за меня в долги лезть. Это грех тяжкий — чужое брать.

— Кредит не чужое.

— Кредит — это кабала. Я в войну жила, я помню, что такое кабала.

Влад закрыл воду, проверил, не капает ли, вытер руки о полотенце. Кран больше не капал. Он поднялся с колен, и мать вдруг сказала:

— Постой. — И вышла в комнату.

Вернулась она с жестяной банкой из-под чая, со старыми вмятинами на боках. Поставила её на кухонный стол, сняла крышку, и Влад увидел деньги: аккуратно сложенные сотни, пятёрки, даже десятки, перетянутые аптечной резинкой.

— Считай, — сказала она. — Тут шестьдесят две. Я всю жизнь копила. На похороны себе.

— Мама.

— Бери, — сказала она спокойно. — Мне хватит. Мне ребята с работы обещали, и ещё пенсию дадут, а мне в гробу не мёд.

— Я не возьму.

— Возьмёшь. — Она подтолкнула банку к нему. — Это не тебе, это мне. Я так решила, и не спорь. Мне легче, когда я знаю, что хоть что-то могу. А ты не смей мне этого отнимать.

Влад смотрел на банку. В горле у него стоял ком, и он знал, что если скажет ещё хоть слово, голос сорвётся и он скажет совсем не то.

Он взял банку обеими руками. Жесть была холодная, и деньги внутри тихо шурхнули.

Мать отвернулась к плите и сказала с расстановкой, будто ставила точку:

— Вот. А теперь садись есть. Я капусту потушила, как ты любишь.

Он сел. Ел и не чувствовал вкуса. Мать сидела напротив, подперев щёку рукой, и смотрела, как он ест, и в её глазах было что-то такое, от чего ему хотелось выйти на улицу и заорать на весь этот белый свет, на этот дом, на этот город, на очередь до двадцать восьмого года и на всех, кто спокойно живёт в этом городе, пока его мать копит себе на похороны и отдаёт ему жестяную банку.

Он вышел от неё в сумерках. На крыльце стоял запах мокрой штукатурки и мусора, у подъезда горел один фонарь. Влад держал банку под курткой, прижимая её локтем, как вор. Шестьдесят две тысячи. Плюс двадцать от Володи. Плюс девяносто под двадцать девять процентов. Он стоял на крыльце, смотрел на серую улицу и впервые за долгие годы думал не о том, как дожить до получки, а о том, что где-то в этом мире должно же быть место, где человеку с его судьбой предложат другой счёт.

4

В кардиоцентр он поехал в воскресенье, на первой электричке, потому что в будни пришлось бы брать отгул, а отгулов у него больше не было. Ехать было три часа с пересадкой, и всё это время он смотрел в окно на мокрые поля, на деревни с одинаковыми остановками, на провода, которые проседали и снова натягивались.

Кардиоцентр оказался длинным белым корпусом за высоким забором, с проходной, где надо было назвать фамилию, и с очередью у окошка регистратуры, которая начиналась на улице. Люди стояли в куртках, в шапках, переминались, дышали паром и разговаривали так, как разговаривают люди, у которых общая беда: тихо, вежливо, без охоты.

Влад отстоял час сорок. За это время он узнал, что женщина перед ним приехала из района и ночевала у дочери, что мужчина за ним уже третий месяц собирает документы и что квота на этот год закрыта ещё в сентябре.

В окошке сидела женщина с усталым лицом и наушником в ухе. Она посмотрела направление, постучала по клавишам и сказала то, что он уже знал:

— Квота на двадцать восьмой. Можете встать в лист ожидания.

— А платно?

— Платно — через отдел платных услуг, второй этаж, кабинет двенадцать. Там вам всё скажут. — Она уже смотрела на следующего. — Следующий.

Влад отошёл и сел на скамейку у стены, между двумя женщинами с сумками. Мимо прошёл мужчина в дорогом пуховике, коротко стриженный, с телефоном у уха; он не стоял в очереди, а подошёл к боковой двери, и через минуту его уже провожали в коридор, и женщина из регистратуры говорила кому-то в трубку: «Да, я согласовала, пропустите».

Влад смотрел на это и думал, что дело не в мужчине. Мужчина, может, и нормальный человек, у него просто есть кому позвонить. Дело в том, что в этом здании, где лечат сердца, у всех всё устроено одинаково: есть люди, которые стоят в очереди, и есть люди, которым звонят.

Он поднялся на второй этаж, в кабинет двенадцать, и там ему ещё раз, уже по бумажке, назвали сумму: четыреста двадцать тысяч, задаток до конца месяца, очередь две недели. Он спросил, можно ли частями. Ему сказали, что можно, но тогда очередь сдвигается.

На улице шёл снег с дождём. Влад дошёл до вокзала, купил билет на ночной поезд — электричка уже не ходила, — и до отправления просидел в зале ожидания, где пахло остывшим табаком и мокрым асфальтом и где под потолком гудела лампа дневного света.

В вагоне было почти пусто. Влад сел у окна, положил сумку на колени и прикрыл глаза, но уснуть не получалось: поезд дёргался, лампы над сиденьями мигали, в тамбуре кто-то долго и глухо кашлял.

На первой же остановке, минут через двадцать, напротив него сел мужчина. Лет пятидесяти, в хорошем тёмно-синем пальто, не новом, но и не потёртом, с шарфом, повязанным аккуратно, без спешки. Он поставил на столик небольшую кожаную папку, снял шапку и положил её сверху. Лицо у него было обыкновенное, каких много, и только взгляд оказался другой: спокойный, внимательный, без того беглого интереса, с каким люди в поезде осматривают попутчиков, чтобы понять, опасно или нет.

— Домой? — спросил он.

— Домой, — сказал Влад.

— Из области?

— Из области.

— А я в город. По делам ездил. — Мужчина посмотрел в окно, где ничего не было видно, кроме темноты и редких огней. — Поезд опаздывает. Всегда опаздывает, а всё равно ездим.

Влад кивнул и снова закрыл глаза. Он думал о том, что завтра понедельник, что надо быть на работе к семи, что задаток надо внести до конца месяца, а до конца месяца оставалось двенадцать дней.

— Вы, я вижу, не спите, — сказал попутчик. — И, судя по лицу, не оттого, что поезд трясёт.

— Устал, — сказал Влад.

— Устал — это когда работал. А у вас другое лицо. — Мужчина сказал это мягко, без нажима, как говорят о погоде. — У вас лицо человека, который всё посчитал и не сошлось.

Влад открыл глаза. Попутчик смотрел на него спокойно, и в этом взгляде не было ни жалости, ни любопытства, только внимание, как у врача, который уже знает диагноз и ждёт, когда больной сам его назовёт.

— Бывает, — сказал Влад.

— Бывает, — согласился мужчина. — Я вам один вопрос задам, можно? Вы не обижайтесь. Сколько лет вы платите по счетам, которые не выписывали?

Влад хотел ответить, что это не его дело, но почему-то не ответил. В голове у него сами собой начали подниматься цифры: кредит жены брата, за который он поручился в две тысячи пятнадцатом; недостача на складе; ремонт крыши в доме матери, который делали всем подъездом; чужая смена, которую он закрывал, потому что человек запил.

— Лет десять, — сказал он. — Может, больше.

— Десять, — повторил попутчик. — И сколько раз вам за это сказали спасибо?

Влад усмехнулся.

— Один раз. В прошлом году. Кладовщик сказал.

— А сколько раз вы за это заплатили?

Влад молчал. За окном проплыл полустанок, три фонаря и стрелка.

— Ладно, — сказал попутчик. — Последний вопрос. Что вы будете делать, если завтра вам понадобится то, чего у вас нет, а взять будет негде? Ну, кроме как у плохих людей?

Влад посмотрел на него. В вагоне было тихо, только стучали колёса и где-то в конце кто-то храпел.

— А вы, — спросил он, — откуда знаете, что мне надо?

Попутчик не ответил. Он достал из папки конверт, обычный, серый, без надписи, и положил его на столик перед Владом.

— Это не от меня, — сказал он. — Это вам. На вашу беду. Я тут ни при чём, я просто попутчик.

— Я не возьму.

— Возьмёте. — Мужчина застегнул папку. — Вы не в том положении, чтобы не брать. И потом, это не подачка. Это аванс. — Он помолчал. — Вы вот что сделайте. Один раз в жизни сделайте так, как удобно вам. Просто попробуйте. Посмотрите, что будет.

— Я вас не знаю.

— И не надо, — сказал попутчик, поднимаясь. — Я на следующей.

Он надел шапку, взял папку и пошёл к выходу, и Влад смотрел ему в спину, не в силах ни встать, ни окликнуть. Поезд сбавил ход, в тамбуре щёлкнуло, дверь открылась, пахнуло холодом и мокрым асфальтом. Попутчик вышел на пустой перрон — и когда поезд тронулся, Влад увидел в окно, как он стоит под фонарём и смотрит вслед вагону, и лицо у него спокойное, как у человека, который сделал свою работу и теперь может идти домой.

Конверт лежал на столике. Влад не притронулся к нему до самой своей станции.

Дома он включил свет в прихожей, запер дверь на оба замка, потом ещё раз проверил, заперта ли, и только тогда достал конверт. Серый, плотный, без надписи. Внутри были деньги: девять пятитысячных купюр, аккуратно, без сгибов, и больше ничего. Ни записки, ни визитки, ни имени.

Сорок пять тысяч. Влад разложил их на кухонном столе под лампой, как раскладывал недавно квитанции, и сидел, глядя на них, пока чайник не выкипел почти весь. Потом сложил обратно в конверт, отнёс в комнату и сунул под стопку белья в шкафу. Вернулся на кухню, налил воды, выпил, снова сел. Через пять минут он опять пошёл к шкафу, достал конверт, проверил, что деньги на месте, и положил обратно.

Он думал о попутчике. О том, как тот сидел, как смотрел, как сказал: «У вас лицо человека, который всё посчитал и не сошлось». Он думал, откуда тот знает, что у него беда, и знает ли он про мать, и почему он вышел на пустом перроне, где не было ни одного дома, только три фонаря и стрелка. Ко всему этому не было ни одного разумного объяснения, а те объяснения, которые приходили в голову, Владу не нравились.

В три часа ночи он понял, что не уснёт, и стал считать вслух, шёпотом, как считают люди, которым надо успокоиться. Шестьдесят две от матери. Двадцать от Володи. Сорок пять в конверте. Девяносто под двадцать девять. Получалось сто двадцать семь своих и чужих честных денег, сто двадцать семь и ещё девяносто в кабалу. До четырёхсот двадцати не хватало двести с лишним, и это было всё равно что мерить до Луны: сколько ни считай, всё равно не дойдёшь.

В понедельник на работе всё шло как обычно. Гудел пресс, сварка мигала синим, кто-то таскал баллоны, кто-то ругался у верстака. Влад вёл смену, подписывал накладные, проверял допуск. В обед он вышел на улицу и позвонил Диане.

— В субботу ко мне в поезде подсел человек, — сказал он. — Незнакомый. И оставил конверт. С деньгами.

В трубке стало тихо.

— С какими деньгами?

— Сорок пять тысяч. Просто так. Сказал, на мою беду. И ушёл на остановке, где даже дома нет.

— А ты взял?

— Взял.

Диана молчала так долго, что он услышал, как в трубке идёт её дыхание.

— Влад, — сказала она наконец. — Ты не знаешь этого человека. Ты не знаешь, откуда у него деньги. Может, они ворованные. Может, он тебя потом этим конвертом прижмёт, а ты и не заметишь как.

— Может, — согласился он. — А может, и нет. Матери к декабрю нужны четыреста двадцать.

— Вот именно, — сказала она. — Вот именно, что нужны. Поэтому у тебя сейчас в голове туман, а ты думаешь, что это ясность. Я такие истории знаю. Я на них насмотрелась в приёмном покое. — Она помолчала. — Я бы вернула.

— Куда? У него ни телефона, ни фамилии.

— Вот это меня и пугает.

Влад смотрел на мокрый асфальт, на окурок у забора, на серое небо, которое с воскресенья не изменилось ни на волос.

— Я не могу вернуть, — сказал он. — Понимаешь? Не могу, и всё тут.

— Понимаю, — сказала Диана, и в голосе у неё было не осуждение, а что-то хуже: усталая жалость, как у врача, который видит больного, которого уже не спасти. — Вот этого я и боюсь. Позвони мне потом, ладно?

Он попрощался и убрал телефон. И весь остаток дня, работая, подписывая, проверяя, отвечая, он впервые за много лет думал не о том, что осталось до получки и как всё свести, а о том, что где-то среди всех этих людей живёт человек, который умеет и знает больше, чем говорит, и что через двенадцать дней ему самому придётся стать таким человеком: тем, кто умеет и знает, и не спрашивает разрешения.

Вечером он достал конверт из шкафа и сел с ним за кухонный стол. Девять купюр легли в ряд, одна к одной, ровные и чистые, будто они только что из банка. Влад смотрел на них и слышал голос попутчика, спокойный, без нажима: «Один раз в жизни сделайте так, как удобно вам. Просто попробуйте».

Зазвонил телефон. Мать.

— Ты поел? — спросила она, не поздоровавшись.

— Поел.

— Что поел?

— Кашу, — соврал Влад.

— Ну и хорошо. — Она помолчала. — Ты не думай, что я тебя не слышу. Я тебя слышу. Я просто так живу, и ты так живи, и всё у нас будет.

Он сказал ей, что всё хорошо, что деньги понемногу собираются, что не надо волноваться. Когда положил трубку, на кухне стало очень тихо: только капал кран, который он не починил у себя, и где-то на улице сигналила машина.

Влад убрал деньги в конверт, потом в карман куртки, потом снова на стол. Завтра на работе надо было принимать накладные по новой партии металла, и он знал, что там, в третьей графе, всегда пишут «по факту», и знал, как это обычно проверяют, и кто, и когда. Он знал это дело насквозь — как знал свои станки, свои смены, свою длинную, честную, налогом обложенную жизнь.

Он сидел над конвертом и впервые за долгие годы не мог ответить себе на простой вопрос: а что, если завтра сделать не так, как надо, а так, как удобно.

5

Утром конверт лежал во внутреннем кармане куртки, и Влад чувствовал его всю дорогу: на остановке, в автобусе, у проходной. Не то чтобы конверт был тяжёлый, но он оттягивал карман, как камень, и Влад ловил себя на том, что придерживает куртку рукой.

На смене он первым делом пошёл не в цех, а на склад. Партию металла привезли ещё в пятницу, но принимать её должен был он, и накладные лежали в конторке, придавленные старым справочником по металловедению.

Кладовщик Гриша, немолодой мужик с седыми усами, пил чай и смотрел в телефон.

— О, мастер пришёл, — сказал он. — А я думал, ты после директора заявление пишешь.

— Не дождались, — сказал Влад. — Давай накладные.

Гриша достал папку. Влад сел за стол и стал читать, медленно, как не читал никогда: каждую строчку, каждую цифру. Партия — уголок и швеллер. В накладной вес стоял ровный, круглый, будто его писали не после взвешивания, а после обеда.

— Ты взвешивал? — спросил Влад.

— А чего там взвешивать. По документам пришло, по документам и ушло.

— Где весы?

— На площадке.

Влад вышел на площадку. Мороз к утру прихватил лужи, изо рта шёл пар, и металл лежал под навесом — тёмные, тяжёлые пачки, перетянутые лентой. Он подошёл, посмотрел на бирки и позвал Гришу.

— Давай взвесим.

— Влад, ты чего? — Гриша вышел следом, без куртки, в одной спецовке. — Нам же не на продажу. Это на участок.

— Тем более. Давай взвесим.

Весы стояли в углу площадки, старые, платформенные, с круглой шкалой, но с ними было проще, чем с людьми: они не уставали и не врали. Влад снял пачку с поддона, поставил на платформу, записал. Потом ещё одну. Потом пошёл в конторку за калькулятором.

Разница вышла в триста сорок килограммов. В деньгах — тысяч восемьдесят, а то и больше, если считать по цене металла, а не по цене лома.

— Гриш, — сказал Влад. — Тут не хватает.

Кладовщик посмотрел на цифры, потом на него, и Влад увидел, как у человека меняется лицо, когда он понимает, во что его втянули.

— Я тут ни при чём, — сказал Гриша быстро. — Я только принимаю. Мне накладные привозят, я и подписываю. Ты же знаешь, как у нас: подписал — и всё, и голова не болит.

— А кто привозит?

— Привозят ребята. И начальник участка звонит, чтобы не тянули с приёмкой. — Гриша помолчал и добавил тише: — Влад, ты только не поднимай это. Мне до пенсии два года.

Влад стоял под навесом, смотрел на пачки металла и чувствовал, как в кармане куртки лежит конверт, а в голове — спокойно и ясно, как не было ни разу за последний месяц. Он не думал о том, что надо или не надо. Он думал о том, что весы не врут, что разница в триста сорок килограммов — это почти вся недостача, с которой его хотят утопить, и что подпись под этой накладной поставит он, если поставит.

— Ничего не поднимаю, — сказал он. — Пока. — И пошёл в конторку, к телефону.

Начальник участка был у себя. Он сидел над теми же бумагами, под тем же куском оргстекла, и когда Влад вошёл, посмотрел на него и отложил ручку — не раздражённо, а осторожно, как откладывают нож.

— Ты чего без стука?

— Можно? — Влад прикрыл за собой дверь. — Надо поговорить.

— Ну садись.

Влад не сел. Он положил на стол накладную, а сверху — листок со своими расчётами, написанными от руки, крупно, чтобы видно было с другого конца кабинета.

— Я взвесил партию на площадке. В накладной девять тонн двести, по весам восемь тонн восемьсот шестьдесят. Триста сорок килограммов разницы. — Он помолчал. — И подпись под накладной должен поставить я.

Начальник посмотрел на листок, потом на Влада. Лицо у него не изменилось, но шея стала краснее.

— То есть ты меня шантажировать пришёл.

— Я пришёл договориться. — Влад положил ладони на спинку стула, стоявшего перед столом. — У меня недостача на восемьдесят четыре тысячи, штраф на пять, премии нет. И тут же — триста сорок кило, которые в накладной есть, а на площадке нет. Я не следователь, мне неинтересно, куда они делись.

— Умный. — Начальник откинулся в кресле. — Гриша подписывал, с него и спрос.

— Гриша говорит, что вы звоните насчёт приёмки. И что он вас не сдаст, но и на себя брать не будет, у него до пенсии два года.

— Слова кладовщика.

— Бумага тоже есть, — сказал Влад. — Накладная, мой перевес, подпись кладовщика. И уведомление, которое вы мне подсунули с недостачей. Если всё это сложить, получится нехорошо. Не для Гриши.

Начальник долго смотрел на него, и Влад видел, как в человеке идёт своя работа: он прикидывает, кто ещё знает, сколько стоит замять и что будет, если это всплывёт. За стеклянной перегородкой гудел пресс, и стекло тихо дрожало.

— Чего ты хочешь? — спросил начальник.

— Недостачу с меня снять. Штраф вернуть. Премию за октябрь — вернуть. И приёмку я подпишу по весам, как полагается.

— По весам не подпишешь. Партия уже оформлена, у неё своя бумага.

— Тогда пятьдесят килограммов спишем на лабораторию, остальные двести девяносто — на усушку и утряску. Я вам честно предлагаю.

Начальник хмыкнул, и в этом хмыканье было что-то похожее на уважение.

— Двести девяносто на утряску. Это ты хорошо придумал.

— Я мастер. Я всё считаю.

Начальник выдвинул нижний ящик стола, достал сейфовую пачку, перехваченную резинкой, и положил перед Владом. Потом ещё одну, и ещё.

— Здесь девяносто, — сказал он. — Штраф, премия и недостача. Считай.

Влад взял пачку в руки. Она была плотная и тяжёлая, как конверт в кармане куртки, только в десять раз тяжелее. Он посчитал не спеша, шевеля губами, как считал у машины тот человек в пуховике.

— Девяносто, — сказал он. — Мне не хватает.

— Всё, что есть. Больше нет.

Влад посмотрел на него, потом на деньги, потом снова на него.

— Хорошо, — сказал он и убрал пачку во внутренний карман, рядом с конвертом. — Приёмку я подпишу сегодня.

Он повернулся к двери.

— Влад. — Начальник смотрел на него с любопытством, как смотрят на человека, который впервые сделал что-то не по своим правилам. — Ты чего такой стал? Я тебя десять лет знаю.

Влад подумал и ответил честно:

— Я не стал другой. Я просто посчитал как следует.

Он подписал приёмку в тот же день, после обеда, в конторке, при Грише и при втором сменном мастере, которого позвал специально, чтобы был свидетель. В накладной он аккуратно поправил вес, поставил свою подпись и дату и приложил листок со взвешиванием.

Гриша смотрел на это, теребя ус, и молчал, пока второй мастер не вышел. Потом сказал тихо:

— Ну ты даёшь, Влад. Я думал, ты до пенсии будешь за всех отдуваться.

— Я и буду, — сказал Влад. — Только считать начну сам.

В цехе новость разошлась к вечеру. Никто ничего не говорил ему прямо, но здоровались как-то иначе, с задержкой, с любопытством, и один молодой сварщик, который раньше проходил мимо, сказал: «Владислав Петрович, а говорят, вы начальнику накладную завернули». Влад ответил: «Не завернул, а сверил». Сварщик кивнул с уважением, будто «сверил» было чем-то более грозным, чем «завернул».

В обед он вышел на улицу и позвонил в кардиоцентр. Тот же вежливый голос подтвердил: да, задаток можно внести в пятницу, до шестнадцати, в кассу или переводом.

— Я внесу в пятницу, — сказал Влад.

— Запишите номер договора, — сказала женщина. — И фамилию матери.

Он записал. Буквы выходили ровные, как в накладной, и когда он убрал телефон, то поймал себя на том, что стоит на морозе и улыбается. Улыбается первый раз за неделю, а может, и за месяц.

После смены он не поехал домой, а зашёл в магазин у метро, тот, куда раньше заходил только за хлебом и молоком, и каждый раз смотрел на ценники, как смотрят на чужие окна.

Внутри было тепло и светло, играла музыка, и пахло так, как пахнет в местах, где люди не считают копейки. Влад взял корзинку и пошёл между полками. Сыр, который стоил как два дня его смены. Рыба в вакууме, красная, ровные куски. Банка кофе, не растворимого, а в зёрнах, хотя кофеварки у него не было. Шоколад, коробка конфет матери. Бутылка вина, сухого, с бумажной этикеткой, на которой было написано что-то по-французски.

Он остановился у витрины с одеждой и купил себе куртку — тёмную, тёплую, с капюшоном, не рабочую спецовку, а нормальную куртку, в которой можно ходить в город. Продавщица спросила размер, он сказал, она принесла, он примерил поверх свитера. В зеркале стоял человек, которого он давно не видел: плечи развёрнуты, лицо другое.

— Беру, — сказал он.

На кассе он выложил всё на ленту и расплатился наличными. Кассирша сняла с купюры бумажку, проверила на свет, отсчитала сдачу. Пакет получился тяжёлый. Влад вышел на улицу и поймал себя на том, что несёт его не как раньше, прижимая к груди, а на весу, свободной рукой.

Дома он разложил покупки на столе: сыр, рыба, вино, конфеты, куртка в чехле на спинке стула. Потом сел и посмотрел на всё это, и на столе рядом лежали квитанции — те самые, за октябрь, — и он подумал, что завтра их можно оплатить, все три, разом.

Он открыл вино, налил в стакан, не в бокал, потому что бокалов у него не было, и выпил половину. Вино оказалось кислее, чем он ожидал, но это было неважно. Важно было то, что он сидел на своей кухне, при свете лампочки, и впервые за долгие годы ему не надо было ничего считать. Ни в уме, ни шёпотом, ни до трёх часов ночи. Он знал, что денег хватит до пятницы, что в пятницу задаток, что мать ляжет в клинику, и это знание было твёрдое и простое, как гайка, затянутая до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.